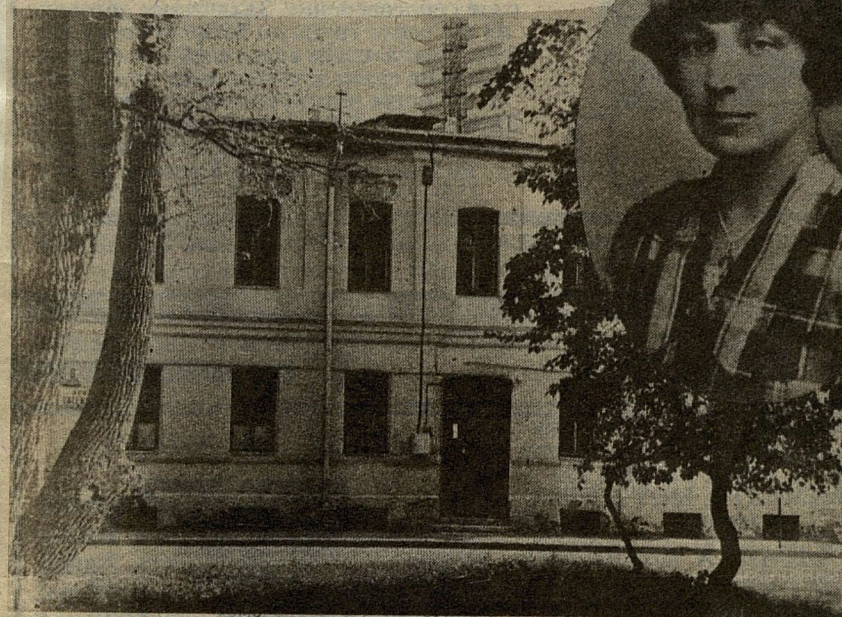

КАК НИ СТРАННО, но за две допереворотные недели на Доме Цветаевой сделали больше, чем за последний год. Узнав о бедственном положении стройки и приближающемся пятидесятилетии со дня гибели поэта, Юрий Лужков немедленно распорядился обеспечить объект всем необходимым и к 31 августа завершить на нем основные работы. Указания вице-мэра были выполнены, однако дом, реставрируемый ремесленниками, так и не стал прежним «гротом», «диккенсовским», «волшебным»... Из-за вынужденной замены одних материалов другими потерялось самое важное, что когда-то здесь жило — дух, порода. Нет уж той плоской крыши над детской, по которой любила гулять Цветаева. Нет и лепнины, крыльца из песчаника... Даже стены, укрепленные чужеродными плитами, исказились в своих пропорциях. Ну а о водосточных трубах и вовсе говорить не приходится. В ходе работ их просто потеряли...

— Это очень большая для меня тема, — рассказывает хранитель мемориальной квартиры Марины Цветаевой Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. — Потому что лишний раз демонстрирует наше пренебрежение не только памятниками истории и культуры, но и именами людей, с ними связанными... Мне часто говорят: страна разваливается, общество гибнет, а вы — Дом Цветаевой! До него ли сейчас? Да не верю я такой философии. Потому что убеждена — дело не в ней, а в отношении к делу.

Именно. В нем. Когда в начале войны молоденькому военврачу из Сибири выдали ордер на нежилой пустующий дом в центре Москвы, она и не предполагала, как вскоре прочно он станет связан с ее судьбой. Соседство квартиры, в которой когда-то жила Цветаева, подаренный томик ее стихов — и долгие, долгие годы сладостного и жгучего плена. Плена Поэзии и ее Творца... А вместе с тем хо-

★ ОПЕРЕЖАЯ СОБЫТИЕ

Пора совершать поступки

Москва, Россия, Москва — 1991 — 31.08.91

ление по инстанциям, решившим отдать цветаевский дом под гостиницу с ватерклозетами. Поиски заинтересованных в создании культурного центра людей. Бережное — и очень нелегкое — хранение квартиры, в которой с 1914 по 1922 год прожила Цветаева, не раз описавшая ее в своих книгах... «Ася, нашла! Знаешь где? Борисоглебский переулочек на Поварской. Все комнаты сами по себе, понимаешь! Это сборище комнат, это не квартира совсем! Как будто часть замка. Откуда-то ее пересадили в этот дом № 6! Такая квартира, будто ты в ней давно живешь. Так все понятно, точно это все ты сам сделал... Как во сне! Как я давно его искала, этот мой дом!»

В 80-м жильцов трех квартир из дома № 6 по улице Писемского выселили. Аварийное состояние. Опасно для жизни. Катаева-Лыткина выехать отказалась. «Что бы тогда елuchилось с квартирой Марины?» И ждала, ждала, пока чиновники наконец-то поймут непреходящую ценность поэзии Цветаевой и увековечат память поэта. На это ушло долгих семь лет. Сколько за них Надежду Ивановну выжили из дома! Палили под окнами макулатуру. Отключали электроэнергию, воду, отопление. В морозные дни, бывало, даже стены белели от инея... Приходилось отправлять сына к друзьям, а самой, закутавшись потеплее, жечь свечи... На их едва уловимое тепло тогда сбегались закоченевшие мышки. И, встав на задние лапки — столбиком, — тоже старались согреться...

Лишь в 87-м на доме Цветаевой началась реставрация. И Надежда Ивановна, назначенная хранителем мемориальной квартиры поэта, спокойно смогла переехать на соседний Арбат. Однако покой оказался мнимым. Реставрация затягивалась. Менялись ее сроки, строительные организации, расценки. Не хватало материалов, рабочих рук, денег и, главное — ответственности...

Теперь вроде бы близок конец. Но внутренние помещения дома так до сих пор и не отделаны, крыша не залатана. Поэтому, когда идет дождь, стены намокают, и по ним расплываются грязные желтые пятна. Других огрехов тоже хватает. И невеста когда появится возможность их ликвидировать. А ведь дом-то сейчас на особом положении у заказчика работ — госохраны памятников истории и культуры Москвы, в центре внимания Советского фонда культуры, субсидирующего его реставрацию, и всей столичной общественности...

— **БЫЛО ВРЕМЯ**, когда дом Цветаевой принадлежал совсем другим организациям, — продолжает Н. И. Катаева-Лыткина. — Мосстрою-10, Союзу писателей СССР, библиотеке имени Некрасова. Стоило только кому-нибудь из них заявить о желании перестройки внутренних помещений, я моментально подыскивала другое заинтересованное лицо и уговаривала его взять дом под свою опеку. Получалось... Я бы ничего против этих организаций не имела, но они не поддержали идею создания культурного центра — Дома Марины Цветаевой. И в лучшем случае, отдали бы под него лишь кабинет, заняв остальные помещения хозяйственными службами.

— **Что же планируете сделать в этих помещениях вы?**
— В подвале — «Кафе поэтов» — место общения и встреч творческой интеллигенции столицы. Именно в таких кафе в 20-е годы бывала и читала свои стихи Цветаева. Отсюда и замысел... Дань серебряному веку, «взгляд дома» в будущее. На первом этаже — концертный и выставочный залы, хранилище библиотеки русского зарубежья, переданный СФК мадам Варсано. На втором этаже — научно-консультационный центр с библиотекой по цветаеведению, архивами, энциклопедиями, небольшим наборно-издательским отделом... Ну и, конечно же, — мемо-

риальная квартира Марины Цветаевой из семи комнат.

— **Есть ли для нее необходимые музейные экспонаты?**

— С этим уже надо обращаться к москвичам, просить их помощи. Марина ведь была дочерью профессора изящных искусств — значит, вкус имела отменный. В ее доме находилась и красная ампириная мебель, и люстра елизаветинских времен с синим хрусталем, и замечательные гравюры генералов — героев 1812 года... Кроме того, требуются различные вещи — приметы времен империалистической и гражданской войн, начала нэпа... Например, печь «буржуйка», пила, топор, утюг; детские игрушки, коньки, кроватка; иконки-складни, открытки, журналы; салфетки, шкатулки и так далее. Все они будут соотноситься с рассказами Анастасии Ивановны, у которой, несмотря на преклонный возраст, отличная память, а потом займут свое место в мемориальной квартире поэта.

— **Сестра Марины — ваш главный эксперт?**

— Да. Она рисует нам, показывает, где, что и каким образом было расположено. Уже сделаны макеты отдельных комнат, благодаря которым мы теперь знаем, как там все было при Марине... Недавно нам подарили волчьи шкуры и лисиц, подобных тем, что когда-то поэту преподнес редактор Сакер; икону Божьей матери — Взыскание погибших, которой она была благословлена при венчании; утраченный во время ареста портрет Сергея Эфрона; восстановленный студенткой Строгановки рождественский ковричек Али; чашку с Жозефиной (подлинную, цветаевскую!), до недавнего времени хранившуюся в семье друга Цветаевых — актера таировского театра Соколова. Есть еще платье Марины, ее мраморный столик, зеркало из коллекции Мнухина... Многое, думаю, после моего обращения к москвичам еще принесут читатели «Московского комсомольца».

— **Расскажите, пожалуйста, как пройдет 31 августа — день гибели поэта?**

— В 11.30 в церкви Большого Вознесения, что у Никитских ворот, будет отслужена панихида. После нее — с цветами и свечами мы направимся к «Борисоглебскому дому». Там откроем мемориальную доску, скажем слова памяти и долга, а затем послушаем камерный хор духовной музыки, который исполнит произведение Калининкова, Никольского и концерт Бортнянского «Да воскреснет Бог».

— **Кто приглашен на скорбную дату?**

— Приглашены все. Ну а скажут свое слово Анна Александровна Саакянц, написавшая первую монографию о Цветаевой и много сделавшая для того, чтобы ее стихи увидели свет; научный руководитель дома и известный коллекционер Лев Абрамович Мнухин, ну и, конечно же, Анастасия Ивановна Цветаева, которой 27 сентября исполнится 97 лет... Возможно, приедет Дмитрий Сергеевич Лихачев, благодаря поддержке и личному участию которого и стало возможным создание такого памятника поэту, как Дом Марины Цветаевой.

ПРЕЖДЕ чем решиться на что-либо подобное в такой день, все эти и многие другие люди, имеющие самое прямое отношение к созданию культурного центра, долго спорили: можно и нужно ли в день траура открывать мемориальную доску?.. Потом все-таки решили: можно и нужно. Ведь смысл натуры и творчества Цветаевой определяется одной-единственной фразой — друг есть действие. Поэтому хватит витийствовать. Пора совершать поступки.

Ирина МАСТЫКИНА.
Фото автора.